Лит. Россия. — 1997 — 7 марта. — С.3

Расул ГАМЗАТОВ:

ЖИЗНЬ ПОХОЖА НА ВЫДОХ И ВДОХ

— Расул Гамзатович, как всякий большой поэт, вы наделены огромной интуицией, способной проникать иной раз в смысл сложнейших явлений гораздо глубже, чем самая изощренная логика. Скажите: что с нами происходит? Чем завершится этот бесконечный катаклизм, названный таким безобидным словом: перестройка?

— Да, слово действительно скромное. Оно даже в малой степени не выражает смысл происходящего. Его Горбачев произнес еще в Ставрополе, будучи секретарем крайкома. Он сказал: нужна перестройка! А что он подразумевал — мы никогда не узнаем, ведь сам он объяснить не умеет, от того, что творится, открещивается. Вот и гадай, что имел в виду этот горе-реформатор, берясь за дело, к свершению которого был абсолютно не готов и не призван.

Что касается философской стороны... Что с нами происходит? — это ежечасный, ежедневный, вечный вопрос! Из этого вопроса произрастают другие вопросы, которые ставили перед человечеством писатели, особенно русские: кто виноват? что делать? А за ними идут еще подвопросы: что такое свобода? равенство? прогресс? А дальше еще вопросы, еще, еще...

— Расул Гамзатович, не сочтите за нескромность, но вы сейчас почти слово в слово пересказываете содержание моего стихотворения «Вопросы»: «Вопросы всюду — в тлеющих мирах, в прохладном небе и в густых морях, шумят в лесах вопросы вековые, мчат по шоссе вопросы легковые... Бессмертны и несметны их полки...» и т.д. Это стихотворение казалось мне надуманным, оторванным от реальности, но из ваших слов получается, что оно очень даже актуально. Вы сотворили чудо: открыли мне глаза на смысл моего собственного творения. И сколько же подобных чудес вы совершили — не счесть!.. Но вернемся к нашим вопросам. Какой из них хотелось бы вам выделить особо?

— Пожалуй: что такое свобода? Может быть, мои слова покажутся кому-то парадоксальными, но, клянусь, я не встречал более свободного человека, чем глупец! Мудрец не бывает никогда свободным, он слишком много понимает. В том числе и то, что коллективной свободы не может быть, а это значит: и личная, индивидуальная, свобода, вытекающая из его мудрости, ничего не стоит или стоит немногого. Вот почему самый мудрый из людей, Платон, снова и снова делал попытки установить в Сиракузах государство коллективной свободы. Лишь к концу жизни понял он, что это невозможно.

А взять независимость... Нужна ли она? Ты вот — кумык, я — аварец, зачем нам быть независимыми друг от друга? Хорошо ли это, если мы независимы, свободны друг от друга?

— Есть люди, которые на этом строят свою власть и благополучие. Разделяй и властвуй! Это же древняя истина. Правда, в Дагестане она получает, кажется, новое звучание. Я на днях присутствовал на заседании небольшого круга ученых разных национальностей, которые хотят выработать идею, способную объединить разваливающийся на части Дагестан. Там звучали разные мнения. Было и такое. Дагестан стал единой в административно-территориальном смысле республикой по недоразумению: дагестанские политики 20-х годов не смогли убедить центральную власть в том, что Дагестан не национальная республика, а республика национальностей. Идея федерализации Дагестана, пока очень осторожно, выходит на авансцену общественной жизни. Те, кто ее выдвигает, говорят, что единство в том виде, как оно существует сегодня, — прямой путь к кровопролитию и войне. Те же, мол, кто это единство поддерживает, используют тот же лозунг, но с обратным знаком: объединяй и властвуй!..

— Я понял, о чем ты говоришь. У меня отношение к такого рода идеям резко отрицательное. Ничего хорошего они нам не принесут. Это самоубийство для Дагестана: делиться, расходиться... Нужна общность, взаимопомощь, взаимовлияние. Изучая другие языки, я не стану беднее. Дагестан должен оставаться единым. Других идей, других рецептов я не вижу. Ведь это уже было все. Кричали: так больше жить нельзя! Это не поэты сказали, не писатели, это политики сказали...

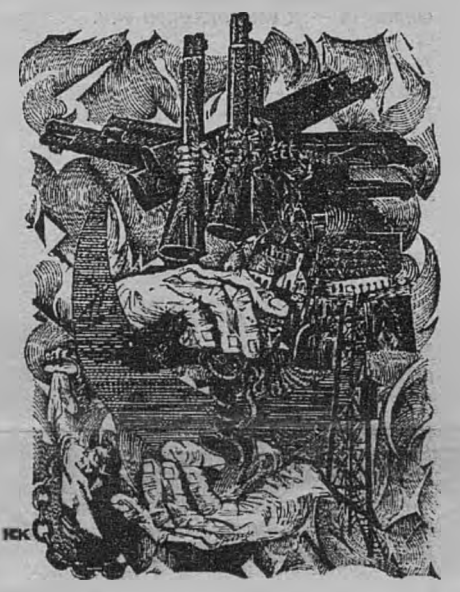
— Вообще-то конкретно эти слова, вернее, фильм под таким названием, принадлежат Станиславу Говорухину. Он-то политиком стал недавно и, судя по его высказываниям, против своей воли. А в то время, когда он эти слова произнес, он же был просто режиссером...

— Если бы Станислав Говорухин, прежде чем бросаться такими словами и такими фильмами, немного задумался о последствиях, сейчас ему не пришлось бы, оставив творчество, заниматься политикой и кричать, что Родина в опасности, что он — призванный в политику и т.д. Но я не его имел в виду. Я говорю именно про политиков. Надменных, оторванных от народа. Тех, кто подталкивал Горбачева произнести это безобидное слово: перестройка! Но опыта строительства у этих политиков не было. Опыт репрессий был, опыт насилия был, опыт угнетения был... А вот опыта лечения, терпеливого воспитания не было. Они и взялись за самое простое: разоблачение прошлого. Всю правду требовали. Бакланов заявлял: полуправда хуже лжи! Сахаров гневно выкрикивал: геноцид! свобода! демократия!.. И эти голоса — громкие, гневные, бескомпромиссные — были услышаны. Но вот взвешенная негромкая фраза Бондарева, что, прежде чем лететь, надо определить маршрут полета, были гневно отброшены, а сам писатель получил за них ярлык красно-коричневого. Но сейчас-то видно, что он был прав, что, прежде чем сделать шаг, надо же посмотреть, что там, впереди...

— Как это советует ваше четверостишие: «Глаза у нас намного выше ног. В том смысл я вижу и особый знак, чтоб осмотреться и подумать мог тот, кто вперед собрался сделать шаг». Расул Гамзатович, ну вот, нога занесена, мы собрались сделать шаг. Куда? Где мы окажемся, опустив ногу: в демократии? в плутократии? Где?

— Понимаете, мало сказать: демократия. Это всего лишь слово. Его надо наполнить положительным содержанием. Вот, например, раньше было выражение «социалистическая демократия». Нам внушали, что это самая высшая, самая развитая форма демократии. Другого мы не знали. Нас ведь как воспитывали, что говорили?! В школу пришел: ваш учитель — Сталин! Ваша мама — партия! В армию пришел: ваш командующий — Сталин! Партия ведет вас вперед! К отцу пришел: отец, говорю... А он: твой отец — Сталин, твоя мама — партия. Когда тридцать лет это говорят, когда сам это постоянно повторяешь, то долго ли поверить, что «ваш папа — Сталин, партия — ваша мама...»?! Я сам в 37-м году кричал вместе с другими своими сверстниками: смерть врагам народа! Потому что мы были обмануты! Сегодня что мы видим? Опять обман! Вчерашние коммунисты, уверявшие: «Сталин — ваш папа, а партия — мама ваша», уверяют нас сегодня в том, что наш папа — Ельцин. Уйдет он — и все мы погибнем, потому что альтернативы ему нет! Он — единственный гарант демократии и развития! Те, кто вчера сидел по обкомам да по крайкомам, сегодня возглавляют концерны и АО. Они теперь нефтегазовые магнаты, фруктовые бароны, продуктовые короли. Вчера были коммунисты, сегодня — капиталисты, то есть нечто совершенно противоположное. И я на распутье сейчас. Я не знаю: кому верить, куда идти? Это сейчас главный вопрос: куда мы идем? Пока — никуда, даже — в никуда! Ежедневными вопросами заняты, перспективы нет. Я не говорю, что не будет. Есть вдох — будет и выдох. Без этого человечество не может.

— То, что творится сегодня в России, не поддается рациональному объяснению. Послушать правительство, президента — все нормально: проводится приватизация, обуздывается инфляция, идут реформы... Но за всеми этими правильными словами — непомерные тяготы миллионов людей, не имеющих счастья принадлежать к правящим кланам и группам, людей, которым не платят зарплат, стипендий, пенсий, за ними слезы матерей, чьи сыновья погибли — кто в Чечне, кто в Таджикистане, кто просто на улице от взрыва очередного «Мерседеса» или джипа... Атмосфера всеобщего страха и подозрительности, как черная грозовая туча, висит над Россией. И в этой атмосфере трудно не воспринимать как личных врагов всех этих откормленных депутатов, членов правительства, наемных журналистов, продажных артистов, не сходящих с экранов телевизоров, уверяя нас в один голос, что все нормально, реформы идут по плану, только не надо мешать президенту и премьеру, иначе все испортите...



Графика Ю. КОСМЫНИНА

Добраться до них невозможно и спросить с них нельзя: они — далеко, высоко... И люди остаются один на один со своим отчаянием и бессилием и в этом бессилии невольно обращаются к Богу, взывают к Нему, моля кто о помощи, кто о мести... «Но есть и Божий суд, наперсники разврата, есть грозный судия — он ждет. Он не доступен звону злата, и мысли и дела он знает наперед». Эти строки Лермонтова, по-моему, выражают именно такое настроение. Настроение, становящееся преобладающим, когда зло деперсонифицировано и как бы разлито в самом воздухе, внушая людям страх и тоску. Не ощущаете ли вы, не улавливаете ли этого гнетущего настроения сегодняшней жизни?

— Был бы рад опровергнуть тебя, сказать — нет, ничего подобного я не вижу, не чувствую... Но лгать не хочу: действительно, я разделяю вместе со всеми такое настроение. Одни говорят: это временно, это пройдет. Другие говорят: это конец света наступает. Не знаю, но атмосфера всеобщего наблагополучия подавляет меня и мучит. Причину ее я вижу в разобщенности. Утрачено чувство единой семьи. Раньше говорили: русские — старшие братья. Я тоже это говорил. И ничего обидного для себя в этом не вижу. В семье не может не быть старших и младших. А я хочу семью! Хочу, чтобы русский был старшим в этой семье. А кому еще им быть? Не аварцу же! Но перестройщики стали все это высмеивать: сначала высмеяли выражение «старший брат», потом «брат», наконец и до «русский» добрались. Это что касается понятия «старший». Другое дело — равенство. Нельзя маленьких по голове бить лишь за то, что они маленькие. А Россия начала это делать. Я подчеркиваю это: Россия! А не русские. Русские — очень отзывчивый народ. Когда моя мать, аварка, умерла — с Дальнего Востока люди телеграммы слали. Мой старший брат похоронен в Балашове, под Ленинградом, лежит в братской могиле. За нею ухаживают русские. И пишут мне. Они еще не забыли это чувство — чувство единой семьи. Раздоры начинаются там, где появляется «твое», «мое». Хозяин этого стола — Я! Мой дом — моя крепость! Вот где корень зла.

— Вы сейчас произнесли слово «хозяин» с негативной интонацией. А помните, сколько надежд возлагали мы на этого самого «хозяина»? Ждали его появления, уверенные, что все наши беды оттого, что нет у нас в стране «хозяина». Народ, который сегодня стонет и ругает всех хозяев без разбору, вплоть до «хозяина» Кремля, вчера еще произносил это слово по-другому. Почему же так произошло? Ведь настоящий, крепкий, расчетливый хозяин действительно нужен. Он — основа благополучия страны и общества. Может быть, не тот «хозяин» пришел? Вот мы говорим: «хозяин», а они себя по-другому называют: новые русские, элита... Вернее, элиты, ведь в Дагестане у каждой нации своя элита. Что вы скажете, Расул Гамзатович, об этом нашествии элит?

— Сегодняшнюю дагестанскую элиту можно разделить на две части: старую и новую. Старая — это вчерашняя партократия. С ними все ясно. Другая часть — более интересное явление. В основном это спортсмены, рослые молодцы с огромными бицепсами, мощными шеями и торсами. Вот новая дагестанская элита! Вчерашние борцы, боксеры, каратисты — сегодня сделались бизнесменами, они — хозяева, «владельцы заводов, газет, пароходов...».

— Но стоит ли этому удивляться?! По-видимому, вчерашнюю элиту могла заставить поделиться властью, собственностью только такая — мускулистая, спортивная молодежь, готовая на самые решительные поступки!

— Да я и не удивляюсь. Я даже афоризм сочинил по этому поводу: мы думали, что нужна культура, а оказалось, что нужна физкультура. Но если говорить серьезно, то линии этих мускулов прочитываются так: жизнь — борьба! Ужасно не нравится мне этот тезис! Почему, зачем мы должны все время бороться?! Жизнь наша — любовь, братство, творчество, взаимопомощь... Борьбу с себе подобными назвать жизнью?! В таком случае жизнь — это смерть! Вот в Союзе писателей я часто говорю коллегам: что это за вражда? Прекратите!.. А они мне в ответ: Расул, жизнь — это борьба! Что же, я бороться сюда пришел? Почему жизнь детей — не борьба, а взрослых — должна быть борьба? Нет, с этим я никогда не соглашусь! Хотя кое-кто приписывает мне не то что борьбу, а чуть ли не войну. Покойный Алексий Абдуллаев все писал доносы на меня в Москву, где уверял, что я собственноручно убил несколько человек. То ли семь, то ли восемь, не помню сейчас. В основном женщин...

— То есть вы вроде как аварский Чикатило получаетесь?

— По Алексию — да...

— Ну Бог с ним, с Алексием, тем более что он давно уже покойник. Давайте поговорим о литературе. Как по-вашему, почему роль литературы, литератора сегодня так резко упала?

— По-моему, упала не роль литературы. Сама литература упала. Даже можно сказать — пала! А назначение, значение, звучание литературы какими были века, такими и остаются. Трескотни много. Она заглушает голос мысли, рост мысли. Лично мне созданы все условия, чтобы я не писал. Про печатание я и не говорю. За последние три года я ничего не издал. И никто не интересуется. А ходить к спонсорам, выклянчивать деньги мне как-то не к лицу. «Поле чудес» — вот что такое сегодня литература. Приходит ко мне на днях один молодой парень, приносит в подарок сразу четыре книги. Представляешь? Нет, я так не могу — четыре книги за год написать! Так что роль литературы не упала. Она по-прежнему велика. Но беда в том, что большинство современных произведений становятся в лучшем случае явлением литературы, что тоже, конечно, немало. Но явлением жизни, как это часто бывало в прошлом веке, они, увы, не становятся. Наверное, этим объясняется, что премию «Триумф» вручают произведениям, созданным давным-давно и получившим все мыслимые и немыслимые премии. «Поле чудес», да и только!

— Расул Гамзатович, как вы сейчас материально обеспечены — вам Союз писателей платит жалованье?

— Да, 600 тысяч. Раньше мне зарплаты хватало. А сейчас... Раньше «Журавлей» споют, «Берегите друзей» споют — мне проценты шли. Пьесу мою поставят — проценты идут. «Мой Дагестан» переведут — опять проценты... Я построил себе вот этот дом. Раньше он очень выделялся в городе. Сколько заявлений, сколько жалоб шло на меня из-за этого дома! А сейчас мой дом — как спичечный коробок рядом с домом складчика. Не говоря уже про дворцы физкультурников.

— Спасибо вам, Расул Гамзатович, за искренний, честный разговор. Желаю вам крепкого здоровья и благополучия.

Беседу вел Багаудин КАЗИЕВ

МАХАЧКАЛА — МОСКВА